

ЮБИЛЕЙ

В своей последней книге он написал: "Я памятник себе нерукотворно... Да нет, не воздвигал, Но так уж вышло, Что есть уже фундамент для него: НАРОДУ ПОСВЯТИЛ Я ОДНОСТИШЬЕ".

Автор этих строк, поэт Владимир Вишневский, давно не нуждается в представлении. Его "запатентованный" жанр — одностишия — прочно вошел в нашу жизнь, не говоря про лицо, его Вишневский демонстрирует на каждой светской вечеринке. Несмотря на то что многие не воспринимают всерьез произведения "живого классика", факт остается фактом — все книги, написанные им, а их у Владимира 16, разошлись небывалым тиражом. Впрочем, как всякая творческая личность, он уверен, что его лучшее произведение еще впереди. 20 августа Владимиру Вишневскому исполняется 50 лет. К своему юбилею он подошел очень ответственно: подготовил очередную книгу, снялся в кино. А главное — нашел свою единственную и неповторимую музу. Но об этом позже...

— С некоторых пор поэт Вишневский начал появляться на киноэкране. Вам стало чего-то не хватать в поэзии?

— На данный момент высшей формой поэтической работы для меня является "ваяние" книги. Каждая книга — это проект. Это относится, например, к книгам "Десять лет которые, или Страна из рук в руки" и "Я вас целую — правда, стало лучше?". Я умею делать свои книги разными примерно из одного материала. Признаюсь честно — новые стихи пишутся реже, чем бывало. И, конечно, меня тревожит то, что новые произведения не так легко появляются на свет. Но те самые счастливые моменты, которые "ай да Пушкин, ай да сукин сын!", мне еще ведомы.

Показатель вкуса к жизни — возможность чего-то хотеть, желание делать что-то с куражом и азартом. Самое страшное — пресыщение. Даже за границей стараюсь быть на день меньше положенного срока — на восьмой день уже не могу находиться вне Москвы.

— Как вы все-таки попали в кинематограф?

— Мой первый "подход к снаряду" был озвучкой документального фильма "На реках Вавилонских". Потом дебютировал в рождественской сказке Аллы Суриковой "Только раз", сыграв Деда Мороза. Сыграл телевизионного начальника с комсомольским прошлым, тамаду, автогонщика, адвоката, конференсье...

Во мне всегда таилась склонность к лицедейству, но тяготили невозможность расковаться в советское время, зажим в присутствии классиков. Мне кажется, что я могу и обязан успеть раскрыться в кино. Поэтому хочу использовать возможность "почти напоследок" проораться в полный голос. Времени остается мало, а мы забываем о феномене внезапной смертности, по Булгакову. А потом, это входит в понятие профессии: честолюбие, потребность в одобрении не только дам, но — публики, не только читающей...

— А если публике это не понравится?

— Я все время рискую, и пока счет в мою пользу. Я знаю, кому это не нравится. Публика серьезная, эстетствующая не считает Вишневского тем, кем его считают многие. Они имеют на это полное право. При этом они не могут не согласиться с фактом того, что я есть. Неодобрение и негатив в любом случае неприятны. Нравиться хочется всем, и выражение "Я не червонец, чтобы всем нравиться" — не про меня. У меня написано: "Такой добиться должен ты любви народной в идеале, чтобы крутые и менты тебя в обиду не давали!". Это я слегка, не теряя пиетета, подправил Пушкина: "Поэт, воздвиги любовь народную!"...

— Владимир, вы гость почти каждой тусовки Москвы. Неизвестность вам не к лицу?

— Как надоел я любящим меня... Пусть это

НЕКОНВЕРТИРУЕМЫЙ

прозвучит апологетски, но светское обобщение входит в понятие профессии. Я не кабинетный поэт, мне необходимо выступать, подпитываться энергией зала. Как это ни парадоксально, т.н. тусовки экономят время. С кем-то ты столкнулся, о чем-то договорился на кончике стола. Не от всех предложений, которые ты получаешь на светских раутах, стоит отказываться. "Чем больше личных достижений, тем меньше гнусных предложений".

— Вы сказали, что в кино побывали в образе тамады. А в жизни вас приглашают в качестве ведущего на богатые свадьбы?

— Я не умею быть тамадой. Время от времени мне пытаются за деньги предложить такую работу. Несмотря на свою нужду в дензнаках, подобные предложения отклоняю, потому что чувствую грань и корректно адресую их к профессионалам, которым рад дать заработать. Конечно, все дело в условиях. У кого-то есть подозрение, что если мне предложат 10 000 долларов, то я проведу свадьбу, уговорив себя. Всю пору моего пребывания, в юности, я мечтал о Достоевстве, когда ты можешь от чего-то отказываться, никого не просить и, как сказал один из моих любимых поэтов, Кушнер, "И не заискивать ни в ком". Именно так: ни в ком.

— На заказ приходилось писать?

— Поскольку у меня нескучный жанр, несколько раз меня просили поздравить людей, но это было бесплатно. Я расцениваю это как анонимную дружескую услугу. От меня постоянно ждут не только стихов, но и "чего-то такого". И эти ожидания бывают лестными. Однажды, едучи на съемки "Армейского магазина", въехал не в тот поворот. Не понимая, где я, притормозил у автомобиля и спросил у охранника: "Воинская часть там дальше?". Он заулыбался и говорит: "А что, там какой-то праздник?". Как-то ночью я ехал из Кратова, заблудился и стал выяснять дорогу у человека. Он мне мрачно, без признаков узнавания, объяснял: туда-сюда, и, когда мы прощались, я сказал: "Ну, счастливого пути". Он посмотрел на меня и спросил: "Это что, одностишие?". Вообще,

город мне всегда может повысить настроение. Мне улыбаются и здороваются. Автоизвозчики все чаще денег не берут. А недавно я просто стоял. А женщина, притормозив, спросила: "Вас подвезти?" Ну ладно, я себя осекаю...

— Во всех интервью вы поете прекрасно полу дифирамбы. Хотите выглядеть джентльменом?

— Я искренне так считаю, и это не говорит о том, что в отношениях с противоположным полом у меня все всегда было безоблачно и победно. Мой друг поэт Алексей Дидуров любит цитировать индийский эпос: "Мужчина умен от книг, а женщина от рождения". А я иногда цитирую мудрого француза: "В своей жизни я встречал полных идиотов, но не встретил ни одной полной идиотки". То есть совсем глупых женщин не бывает. Любая из них может поставить в глупое положение сразу нескольких умных мужчин. Женщина — мистическое существо, очень натуральное создание, от которого можно ожидать всего. Я, конечно, хлебнул кое-чего от женщин, это понятно. Будучи нормальным мужчиной, который ведет себя активно по отношению к ним, я познал и роскошь безответной любви, и досаду обломов. Надеюсь, в моих взаимоотношениях с недружественным полом ничего не произойдет, что изменит мой взгляд. Я ими все еще восхищаюсь. Это Горький всем лучшим обязан книгам, а я — нечаянным и

встречам с женщинами.

— Вы производите впечатление донжуана. А тут выяснилось, что вы с некоторых пор стали супругом...

— О, у меня есть уже горький опыт прямого ответа на подобный вопрос. Поэтому, никого боле не подставляя, отвечаю так: "Сегодня мой парус не столь одинокий". Мы вместе пять лет. К счастью, Она не литератор. А топ-менеджер.

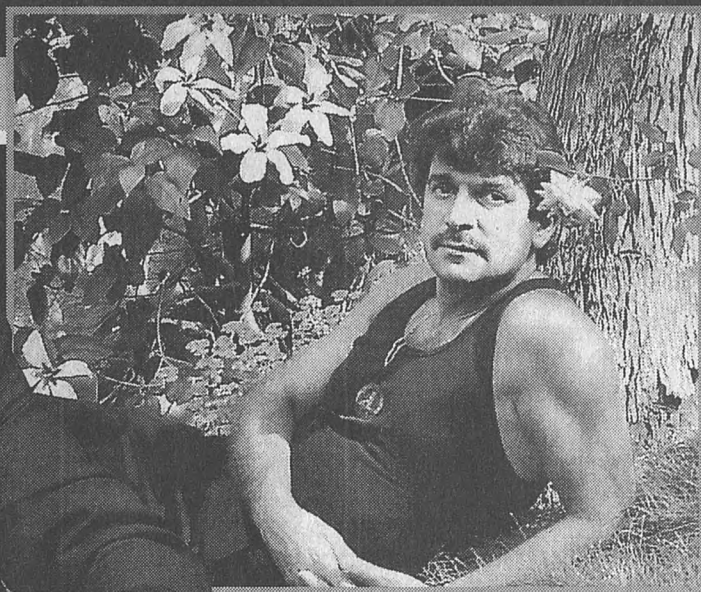
— Признайтесь, вы как топ-поэт много зарабатываете своими книгами?

— Несмотря на то что я из тех, кто получает какие-то гонорары за книги, они не дают обеспечения. Поэтому здесь главная составляющая — выступления. В нашей номинации надо быть довольным, что ты получаешь гонорар. Ведь поэты всегда в сложном положении.

— Выражение "художник должен быть бедным и голодным" вам близко?

— Это устаревший взгляд. Я не согласен с тем, что вдохновение приходит лишь к голодному поэту. Жизнь показывает, что ничего подобного. У меня вдохновение, когда я сыт, слегка пьян — это лучшая стартовая позиция для того, чтобы что-то создать. Пока это ко мне не относится, но я цитирую себя дальше: "От сдачи посуды на старости лет, о, не зарекайся, московский поэт".

— Как вам удается запомнить все свои строчки?

Владимир ВИШНЕВСКИЙ:

"Мои успехи в стихосложении находятся в прямой пропорции с успехом в женоохмурении"

— Память избирательна только на свое, и это производит впечатление некоей маньячности. Все, что я читаю, помню, потому что у меня большая практика выступлений. В моей голове есть некий компьютер, который выдает на-гора для самоцитирования нужные строки. Иногда бывает живо и в масть, хотя многих, я знаю, раздражает то, что я себя цитирую. Вот так я перемещаюсь с помощью своих цитат, хотя стараюсь следить за тем, чтобы не производить впечатления маньяка.

— Чем вы еще не овладели в своей профессии?

— Есть стихи, которые мы пишем, которые можем написать, а есть стихи, которые мы написать не можем. Но это не значит, что мы о них не думаем. В юности я мечтал написать стихотворение, чтобы с ним можно было бы броситься без крыльев в пропасть и не разбиться. Большая честь создать продукт, достойный вашего внимания". Поэтому нужно и сейчас мечтать, как в юности, написать нечто гениальное. Хотя мечтать мало...

— Ваши книги переводились на другие языки? Иностранец способен понять стихи Вишневского?

— Все, что составило мне некое имя, абсолютно непереводаемо, как непереводаема наша жизнь. Как говорил Жванецкий: "Наш юмор непереводаем, как наши беды". Перевести строчку "Давно я не лежал в Колонном зале" — невозможно. Так же, как передать горький смысл названия одной из моих ранних книг "Московская прописка". Я не считаю свой материал высокой поэзией, но "все мое" тесно связано с непереводаемым языком сегодняшней российской жизни. В свое время я отобрал стихи, которые можно перевести, в маленькую книгу "Свободно-конвертируемые стихи". Я могу завидовать или не завидовать переводимым авторам, для которых переводы — часть славы и дохода, но мой выбор сделан. Я мог бы писать нормальную прозу, но ресурс моего дыхания на сегодняшний момент совсем не подходит для прозы. В итоге я стал спринтером, а не стайером.

— Получается, вы не способны на большое произведение?

— Моя мама часто говорила мне: "Вова, напиши что-нибудь серьезное". К сожалению, открывая с блеском одну дверь, ты закрываешь для себя другую. Мне трудно представить себя человеком, ушедшим в подполье и заточение некоего Замысла, потому что я не могу отсоединиться от мира и его соблазнов. Хотя, если говорить честно, я мечтаю о том, чтобы меня посетил этот самый замысел, который подвигнет отказаться от многого.

— Внешне вы производите впечатление сильного мужчины. Внутреннее душевное состояние находится в таком же тонусе?

— "Поэт раним и даже убиваем". Меня бесит, когда мне на глазок замеряют рейтинг и ошибочно полагают, что со мной так поступить можно, а с кем-то другим уже нельзя. Жестко на это реагирую. Меня корбит панибратство, когда посторонние люди называют меня Володей и говорят мне "ты". Я понимаю, почему это происходит. Меня в нынешнем облике и жанре так воспринимают. А хочется одновременно и быть Владимиром Петровичем, и оставаться молодым. А Владимир Петрович уже иначе знакомятся с девушками, они в другой группе риска. Словом, уходят одни комплексы, приходят другие. А быть уверенным обязан...

— Владимир, в этом году вам исполняется... В общем, у вас юбилей. Рифма уже родилась в связи с этим?

— "Мой первый Ю (и не дай Бог НЕ!)... Что исполняется — все мне..."

А также: "Условно-досрочный юбилей", "0,5 века творческой деятельности", "Сто лет в обед, который мы разделили по-братски". Я придумал много обозначений, лишь бы уйти от прямого наименования. Я не чувствую себя на означенную цифру: ни по работе извилины, ни физически, поэтому воспринимаю это как дань всеобщей традиции — не имею права замолчать, да мне бы и не дали. Но мысли по этому поводу не самые радужные... У меня есть такой возглас: "Да вам пора работать с молодежью". Здесь есть некая магия цифр, которая довлеет. Я понимаю, что это разрушает мой привычный имидж, ну и ладно. Одностишие "Я в этой жизни рано стал ребенком" все еще путеводное для меня. А ощущение некоего Рубикона есть, и ни к чему кокетливо делать вид, что я так же юн и бодр, как пионер.

— Что, по самоощущению, появилось сейчас, чего не было раньше? Кроме мигрени, конечно.

— У меня есть такие строчки: "Когда я был чуть старше, чем сейчас, и выглядел, понятно, много хуже". В 45 лет по уровню раскованности я чувствовал себя моложе, чем в советские 17. Стараюсь на упреждение отшутить это состояние: "И вдруг мне стало много-много лет, боюсь, что я уже неохмуряю". Хотя, надеюсь, это не так.

— Если бы у вас было много денег и свободное время, чем бы занялись?

— Позволил себе роскошь не выступать так часто. А кино бы не бросил. Если бы я, в свои годы, оставаясь в этом жанре, был бы неизвестен, мне было бы трудно.

"Души мне мало было б в пятьдесят сносить свою безвестность (свят, свят, свят)".

6 сентября 2003 года, в День города, в 18.00 поэт Владимир Вишневский и творческий центр "Лицеон" приглашают в сад "Эрмитаж" на юбилейный шоу-капустник "Москва, Москва!.. как много даже очень..." или "Я памятник себе нерукотворно!.." с участием шоуменов и музыкантов от Арканова до Оганезова, от Долиной до Бутмана, от Сюткина до Галкина, от Иртеньева до Трушкина и других звезд степа, дзюдо, с мистификациями, обменом подарками (несите и унесите) и с массовыми съемками в программе "К обеду-2003".

Катя САХАРОВА.